

Г. В. ФЕДЮНЕВА (Сыктывкар)

КОМИ *siję / naję* ~ УДМУРТСКОЕ *so / soos*
'тот, та, то / те' → 'он, она / они'

Abstract. Komi *siję / naję* ~ Udmurt *so / soos* 'that / those» → 'he, she / they'
In the Komi language semantic divergency of personal and demonstrative pronouns advanced further than in the Udmurt one. The Komi forms *naja, naję* 'they' have got additional marking, such as the Finnic-Permic suffix of collective multiplicity **-ja/*-jä*. Later under the analogy it spread also on *s-* and *t-*stem demonstrative pronouns. This enabled more consecutively oppose the personal and demonstrative pronouns, anyway, on plural line: *naja, naję* 'they' — *sijajas, sijjas* 'those'. The forms *siję* 'that, he', *naję* 'they', *taję* 'this' etc, presented only in two Komi-Zyryan dialects and accepted as literary norm, in our opinion, are forms of accusative. The Udmurt pronouns have avoided such functional-semantic differentiation; they execute the function of the general indication, not particularly distinguishing whether the person speaking indicates on person or not-person: *so* 'that, he, she' — *soos* 'those, they'.

Keywords: Komi, Udmurt, personal pronouns, demonstrative pronouns.

0. Общее

Известно, что указательные, вопросительные и личные местоимения финно-угорских языков имели общий этимологический источник — доуральские дейктические частицы. Вопросительные, видимо, сформировались в глубокой древности, во всяком случае, в современных языках их связь с другими группами дейктических слов не обнаруживается. Личные местоимения обособились от указательных также достаточно рано, однако, если местоимения 1-го и 2-го лиц могут быть возведены к уральскому праязыковому периоду, то местоимения 3-го лица не дают такой однозначной картины. С одной стороны, есть основание говорить об их прауральском формировании, так как окончания 3-го лица, как и первых двух, в самодийских и финно-угорских языках восходят к личным местоимениям (Hajdú 1990 : 2). С другой стороны, исследователи склоняются к тому, что личное местоимение 3-го лица может быть реконструировано только для финно-угорского периода: в него в большинстве диалектов праязыка превратилось некое указательное местоимение **sV-*. Однако в прадиа-

лектах пермских языков этот процесс не получил развития (Майтинская 1974 : 284; UEW 453 и др.).

Видимо, в древности, как и во многих современных языках, только референция к одушевленным или неодушевленным объектам регулировала лично-указательное и собственно-указательное использование местоименной основы. Поскольку «язык не особенно нуждается в создании специальной категории слов, используемых только в функции личных местоимений 3-го лица» (Майтинская 1969 : 202), функционально-семантическое разделение этих разрядов носило длительный и по диалектам разновременный характер. Существенную роль при этом сыграл суффикс ур. **nV-*, который выступал в качестве маркера личных местоимений (Майтинская 1962 : 76 и др.). В прадиалектах давших начало прибалтийско-финским и мордовским языкам, местоимения 3-го лица, видимо, начали формироваться достаточно рано, получив дополнительный импульс за счет *n*-ового суффикса: мордЭ *son*, саам. *son*, фин. *hän* (*sen*), вод. *sen* и т.д. В других частях финно-угорского языкового континуума в роли личных местоимений продолжали использоваться местоимения общего указания. Процесс становления собственноличных значений из указательных происходил разными путями (Hajdú 1990 : 3), зачастую приводя к серьезным изменениям (напр. Rajusalu 2006).

Пермские местоимения 3-го лица до сих пор не являются собственноличными. Они выполняют функцию общего указания, не особенно различая, на лицо или не-лицо указывает говорящий. Это хорошо видно на примере удмуртского языка, где из местоимений ближнего (*ta* 'этот' — *taos* 'эти') и дальнего (*so* 'тот' — *soos* 'те') указания последние были использованы в качестве личных местоимений без какой-либо грамматической дифференциации: удм. диал. *аӟӟи-зь со ошпиэз, но со ъшиз* 'увидели того бычка, но он исчез (из глаз)' (ККУД 179). Удмуртское местоимение *so* является общеуказательным, грамматически не дифференцированным при указании на лицо или не-лицо. Перевод примера дан носителем языка, который в этом случае воспринимает «второе» *so* как личное местоимение. Но оно может быть переведено и как указательное: 'увидели того бычка, но тот исчез (из глаз)'. Это возможно и в коми языке: *с і й ө аддзис с і й ө өшсö, но с і й ө вошис* (*син водзысь*) 'он увидел того быка, но тот (он) исчез', хотя правильнее: *с і й ө аддзис с і й ө өшсö, но өшкыс вошис* (*син водзысь*) 'он увидел того быка, но бык исчез'. Об этом же свидетельствует широкое использование в пермских диалектах *t*-овых указательных местоимений в роли личных: удм. диал. *таос ... кэнэшыны кӱскизы* 'они ... начали сговариваться' (ККУД 258); *мон пулыско талэс'* 'я боюсь за него (букв. от него)' (Тепляшина 1970 : 195); комиЗ *кыдзи нӧ тэ та й эскöд олан?* 'как же ты с ним (с ней) живешь?' (СД 124); *та й а ой-ей сюсь да збой* 'он очень толковый и боевой' (ВВД 90) и т.д. Словоизменение их полностью совпадает.

Однако развитие процесса «указательное местоимение → личное местоимение 3-го лица» в пермских языках все же имеет место. Более того, по нашему мнению, именно этим процессом объясняется бро-

сающееся в глаза расхождение в структуре и морфологическом оформлении коми и удмуртских соответствий.

Общим элементом указательно-личных местоимений 3-го лица в коми и удмуртском языках является этимологический корень *sV-, который в единственном числе представлен во всех пермских диалектах, а во множественном — преимущественно в удмуртских. Различия более существенны: 1) местоимение 3 л. мн. ч. в коми языке образовано от супплетивной основы: *sije* 'он, она, оно' — *naje* 'они', в удмуртском — суффиксально: *so* 'он, она' — *soos* 'они'; 2) удмуртское местоимение 3 л. ед. ч. представляет собой чистую основу, коми — в обоих числах имеют суффиксы *-je*, *-ja*¹; 3) в коми языке, в отличие от удмуртского, выступает несколько основ с различными огласовками: *sj-* ~ *si-* 'он, она, оно' — *na-* ~ *ni-* ~ *nj-* 'они'.

1. Основа 3 л. мн. ч. *na-* ~ *ni-* ~ *nj-*

Уральские местоимения 1-го и 2-го лица, видимо, не имели единого способа выражения множественных значений; координация по числу могла выражаться с помощью корневого чередования гласных, энклитических частиц, специальных лексем и т.д. «Еще в меньшей степени установился способ образования форм не-единственного числа у прафинно-угорского личного местоимения 3-го лица, что объясняется сравнительно поздним обособлением последнего от указательных местоимений» (Майтинская 1974 : 286). В современных финно-угорских языках также нет единообразия: в одних из них числовые формы образуются по типу местоимений 1-го и 2-го лица, т. е. противопоставлением корней по огласовке, например, морд. *son* 'он' — *sin* 'они', в других — по типу указательных местоимений, например, венг. *ő* 'он' — *ők* 'они' (Майтинская 1974 : 286).

Поскольку пермские местоимения 3-го лица по существу являются указательными, закономерен для них суффиксальный способ образования множественного числа, как удм. *so* 'тот, он, она' — *soos* 'те, они' или коми диал. печ. *sijajas*, вс. *sijejas* и т.д. 'они, те'.² Однако в коми языке в функции 3 л. мн. ч. выступает *n*-овая основа, генетически связанная с прибалтийско-финскими и волжскими местоимениями: фин. *nätä* 'эти', *nuo* 'те', *ne* 'те'; кар. *nätä* 'эти', *nua*

¹ В коми-пермяцких диалектах широко представлены также краткие формы личных местоимений *sa* 'он': *sa gortas ni* 'он уже дома', *na* ~ *na* 'они': *na göröny* 'они пашут', *na loktisö* 'они пришли', которые, по справедливому замечанию Р. М. Баталовой (1975 : 176), имеют фонетический характер (< *sija*, *nija*, *nua*). Аналогичные формы встречаются и в коми-зырянских говорах.

² Поскольку суффикс множественного числа удм. *-os*, коми *-jas*, комиП *-ez* является поздним приобретением пермских языков (Серебренников 1963 : 85), можно предположить, что противопоставления по числу *s*-овые местоимения не имели. Это подтверждают примеры коми-пермяцких диалектов, в которых и сегодня встречаются случаи использования форм единственного числа в значении множественного: комиП *s i a sьнимайчисö* 'о н и сфотографировались', букв. 'он сфотографировались'; *s a лажын ни мунисö* 'о н и давно уже уехали' (Баталова 1975 : 178), букв. 'он давно уже уехали'. Ср. удм. юж. *нокин' но ук тод вал умо-й-умой, кин' ад'амийос с о вылэм* 'никто не знал как следует, что за люди о н и были' (ККУД 228), букв. 'никто не знал как следует, что за люди то были'.

'те'; морд. *íe, ía* 'эти', *nona* 'те'; мар. *nine* 'эти', *nino* 'те' и восходящая к финно-пермской праформе **nV*- (Майтинская 1976 : 286; 1989 : 227; UEW 301 и др.). В качестве указательного местоимения она сохранилась только в некоторых северо-западных говорах (напр., иж. *ena* 'вот эти' — *eni* 'вон те') и коми-язьвинском диалекте (*ena* 'эти' — *nija* 'те', *inija* 'вон те'), тогда как личное местоимение *naje/naja* 'они' имеет повсеместное распространение как в коми-зырянском, так и в коми-пермяцком диалектном континууме (КРС 449; КРК 420; РКС 701; ССКЗД 234; КПРС 275 и др.). В качестве личного местоимения 3 л. мн. ч. *n*-овая основа выступает также в марийском (*tudo/tədə* 'он, она' — *nino/nənə* 'они') и южной группе прибалтийско-финских языков (эст. *t(em)a* — *n(em)ad*, вод. *tämä* — *nämä(v)*, лив. *tämä (ta)* — *ne*), однако в коми языке в единственном числе ей соответствует не *t*-овая, как в марийском и южных прибалтийско-финских языках, а *s*-овая основа.

Обращает на себя внимание тот факт, что *n*-овые местоимения 3 л. мн. ч. в современных коми языках «более личные», нежели *s*-овые 3 л. ед. ч.: основа *sĭ-* ~ *si-* является по существу указательной, тогда как *na-* ~ *ni-* ~ *nĭ-* выступает прежде всего как основа личного местоимения (ССКЗД 233—234 и др.). Р. Бартенс уверенно пишет, что во множественном числе коми язык различает личные и указательные местоимения: числовая оппозиция *s-* ~ *n-* имеется только у личных местоимений (Bartens 2000 : 163). Видимо, в качестве личного местоимения сначала выделилась *n*-овая основа (возможно, под влиянием южных прибалтийско-финских и/или марийских соответствий), которая позже соотнесена с *s*-овым указательным местоимением, использовавшимся и как местоимение 3-го лица.

В этом плане интересный материал дают коми-зырянские диалекты. Так, вымские указательные местоимения (*e)taja, etija* 'этот', (*e)si-ja* 'тот', кроме стандартных суффиксальных форм типа *tajajas* 'эти, они', во множественном числе используют местоимение *enaja/ena*, «которое употребляется только в значении существительного: *э н а й а кутшӧм тоон кадӧс* 'э т и сегодня такие пьяные', *э н а л ӧ н уна жӧ йылӧмыс* 'у т о й четы много же детей'» (ВД 106, 419). В ижемском диалекте соответствующие указательные местоимения не имеют форм множественного числа с суффиксом *-jas*, а использование супплетивных основ более последовательное: указательным местоимениям ближнего плана с гласным *-a* в корне *etaja, eta* 'вот этот' противопоставлены во множественном числе формы *enaja, ena* 'вот эти', местоимениям дальнего плана с гласными *-i, -j* в корне *etija, etiji, etj* 'вон тот' — *eniĵa, eniji, enj* 'вон те'. М. А. Сахарова и Н. Н. Сельков считают, что усилительно-указательные местоимения с приставкой *e-* «образованы от соответственных личных местоимений ближнего плана *найа* (сокращенная основа *на*) и дальнего плана *нийа, нья* (сокращенная основа *ны*)» (ИД 75). Однако примеров, подтверждающих, что «местоимение *нья* указывает на невидимых или более отдаленных, менее известных лиц», а «местоимение *найа* указывает на очевидных, более близких и известных лиц» (ИД 64), нам не удалось обнаружить. Кроме того, аккузативные формы *naje, niĵe, nije* 'их' даются в одной словарной статье (ИД 183), а при склонении и в послеложных кон-

струкциях в качестве основного местоимения 3 л. мн. ч. выступает только одна основа *nj-* (*sja* 'он, она' — *nja* 'они'). Видимо, эти примеры отражают некую ступень перехода «указательное → личное местоимение 3 л. мн. ч.», когда окончательного разрыва еще не произошло, но дифференциация по дальности указания, характерная для указательных местоимений, уже утрачена.

О поступательном развитии этого процесса говорит наличие суффиксальных элементов, широко представленных в коми диалектах (Федюнева 2004). Поскольку с исторической точки зрения для выделения или усиления тех или иных специальных значений в местоимениях часто используются дополнительные элементы (суффиксы, частицы, местоименные корни и т. д.), можно предположить, что стремление коми языка к суффиксальному оформлению указательных и указательно-личных местоимений объясняется именно этим.

2. Суффикс *-jɛ* ~ *-ja*

Вопрос о происхождении суффикса *-jɛ* ~ *-ja* и причинах, обусловивших его появление только в коми языках, относится к дискуссионным. Общепринятой считается гипотеза о его связи с некой эмфатической частицей (КЭСК 256; Kövesi 1965 : 140 и др.), роль которой обычно сводится к «усилению выразительности» (Лыткин 1995 : 52). Наиболее подробно эта точка зрения изложена Б. А. Серебренниковым, который считал, что «гласный *ö* может представлять собой эмфатическую частицу, а *j* буферный согласный, служащий для устранения зияния». По его мнению, конечный *-a* мог появиться сначала в форме множественного числа под влиянием предыдущего *a* (*najö* > *naja*), а затем был перенесен на форму единственного числа *sija* по аналогии (1963 : 192). Вместе с тем Б. А. Серебренников допускает, что в диалектах «существовала особая эмфатическая частица *a*, соответствующая частице *ö*», поскольку имеются формы иж. *nya* и вс. *nija*, где *a* не мог возникнуть из *-ɛ* в результате ассимиляции (1963 : 199).

Нам представляется более предпочтительной версия о первичности форм с *-ja*, поскольку они характерны для всех коми диалектов. Формы же с *-jɛ* бытуют только в двух близких коми-зырянских диалектах — присыктывкарском (определившем литературную норму) и среднесысольском, но и в них широко представлены *a*-варианты, особенно во множественном числе: скр. *najɛ, naje, naja, najan*; сс. *nija, nia, nea, nije, najɛ, nijjas* и др.

Появление суффикса *-ja* в системе указательных местоимений коми языка, действительно, могло быть связано с формированием личного местоимения 3 л. мн. ч. на базе *n*-овой указательной основы, которая, как известно, не имела множественного значения (UEW 297, 301, 306). Выступая в функции личного местоимения, эта основа нуждалась в дополнительной маркировке «плюральности»: если при референции к неодушевленному объекту обычно достаточно общего указания ('возьми то, принеси это: одно или несколько'), то одушевленный референт требует большей количественной определенности ('позови его', но 'позови их'). Прибалтийско-финские и волжские *n*-овые указательные местоимения имеют дополнительные показатели мно-

жественности³, однако в тех языках, где *n*-овая основа выступает в качестве личного местоимения 3 л. мн. ч., эта маркировка более последовательная, ср., фин. *se* 'тот' — *ne*, диал. *net* 'те'; кар. *tämä* 'этот' — *nämä, nämäd, nämät*; вепс. *še* 'тот' — *ne(d)* 'те' и эст. *see* 'этот, тот' — *need* 'эти, те'; *too* 'тот' — *nood* 'те'; вод. *se* 'тот, этот' — *ned* 'эти, те'. Тот факт, что эстонские и марийские местоимения 3 л. мн. ч. используют маркировку множественности облигаторно, позволяет, как нам кажется, искать и в коми соответствиях *naja, naje* 'они' множественный суффикс.

Ассоциации возникают прежде всего с суффиксом совместной множественности **-ja/*-jä* в прибалтийско-финских языках: фин. *meijä* 'наша усадьба', *teijä* 'ваша усадьба'; эст. *meie* 'мы' и *teie* 'вы' < **meijä, teijä* (Alvre 1965; Лаанест 1975 : 73; Майтинская 1979 : 88, 91 и др.). В вепсском он участвует в образовании т. н. коллективных местоимений *mija-* 'мы', *tija-* 'вы', *hija-* 'они', которые указывают на коллектив, семью, население деревни, группу родственников (Хямялайнен 1966 : 88). Возможно, сюда же относятся суффиксы местоимений *mijg* 'мы' и *tijg* 'вы' и собирательных существительных (комиП *kozja* 'ельник', *uergja* 'лесистое место'), представленные в южных коми-зырянских диалектах и коми-пермяцком языке. Возможно, этот суффикс представлен также в форме генитива коми местоимений 1 л. мн. ч. *mijan* 'наш' и 2 л. мн. ч. *tijan* 'ваш' (Федюнева 2005 : 33—35; 2006). По мнению Б. А. Серебренникова, собирательное множественное число на *-a/-ja* бытовало в общепермском праязыке (1963 : 89), хотя убедительных рефлексов его былого присутствия в удмуртском нет. М. Кёвешти выделяет суффикс коллективной множественности *-ja* только в коми-зырянских диалектах (Kövesi 1965 : 161). Можно предположить, что этот формант, функционирующий в контактной зоне коми и прибалтийско-финских языков, и был использован коми языком для усиления значения множественности.

Основа *na-* ~ *ni-* ~ *nj*, обособившись в качестве личного местоимения 3 л. мн. ч. и получив дополнительную суффиксацию в виде *naja* ~ *nija* ~ *nija*, оказала влияние на *s*-овое местоимение, а затем и другие указательные местоимения: *naja* 'они, те' → *sija* 'тот' → *taja* 'этот' → *etaja* 'вот этот', *esija* 'вот тот'. Таким образом, процесс становления собственноличных значений в коми языке (*naja* 'они' → *sija* 'тот, та, он, она') по сравнению с удмуртским (*so* 'тот, та, он, она' — *soos* 'те, они') получил дополнительный импульс.

Формы *sije, naje*, соответственно *taje, etaje, esije*, представленные только в двух коми-зырянских диалектах и принятые в качестве литературной нормы, по нашему мнению, являются поздними. В свете сказанного их происхождение становится более понятным. В большинстве коми-зырянских (лл., вс., вв., нв., печ., вым., уд., иж.) и во всех коми-пермяцких диалектах номинатив этих местоимений закономерно имеет суффикс *-ja*, аккузатив — суффикс *-jg*, ср. *s i j a munis, munis* 'о н шел, шел' и *s i j g kutas oš* 'е г о поймает медведь'. В присыктывкарском, верхне- и среднесысольском диалектах, т.е. как

³ В коми языках использование стандартного суффикса *-jas, -jez, -jan* в соответствующих местоимениях также имеет абсолютное распространение (Федюнева 2004).

раз в зоне бытования номинатива на *-je*, аккузатив имеет специальное усилительное *-s*: *sijes, najes*. Интересно, что в говоре с. Зеленец номинатив имеет форму *sija* 'тот, он', а аккузатив *sije* 'того, его', тогда как в других говорах присыктывкарского диалекта, соответственно, *sije* — *sijes* (СД 124). Напрашивается вывод, что в этих диалектах в качестве номинатива был использован аккузатив, а образовавшаяся лакуна заполнена аккузативом имен на *-es*. Это перевижение, видимо, объясняется взаимовлиянием номинатива и аккузатива как прямых выразителей субъектно-объектных отношений: «недостаточно личные» местоимения 3-го лица могли быть выделены за счет использования формы аккузатива как прямого указания на объект, а именной суффикс *-es* дополнительно подчеркивал «одушевленность» объекта.

3. О вариантах основ

Как отмечалось, важной особенностью коми указательно-личных местоимений, в отличие от удмуртских, является варьирование гласных в основах.

Междиалектные корреспонденции гласных в местоимении 3 л. мн. ч. *na-* ~ *ni-* ~ *nj-*, видимо, могут быть объяснены непосредственной связью этой основы с разрядом указательных местоимений, для которых характерны оппозиции по типу указания, в данном случае по степени удаленности референта. В тех коми диалектах, где *n*-овые основы в качестве указательных сохранились (в основном, в формах с анлаутной усилительной частицей *e-*), такое разграничение отчасти сохраняется: иж. *epaja, epa* 'вот эти' — *enija, eniji, enj* 'вон те'; кя. *epa* 'вот эти' — *nija* 'те'. В остальных становление указательно-личного значения, видимо, привело к утрате ближне- и дальнеуказательных значений, в некоторых случаях — к закреплению одной формы: скр. *naje*, вв., вым., нв. *naja*, вс. *nija*, иж. *nja*, лл. *nida*, сс. *naje* ~ *nija*, печ. *naja* ~ *nija*, уд. *naje* ~ *naja* ~ *nida* ~ *nija* 'они' (ССКЗД 234), комиП *epa, enija* 'эти, те они', *nija* 'они, те' и т.д. Разумеется, нельзя исключить и другие причины различий в области корневого вокализма, учитывая диалектную вариативность, фактор пространства, особое происхождение некоторых форм (об этом далее) и др.

Колебания гласного звука в *s*-овых местоимениях проявляются в виде не столько междиалектных корреспонденций, сколько морфологически обусловленных чередований. В пермских языках *s*-овые основы не противопоставлены по дальности указания, как, например, в лугово-марийском, а специализированы как дальнеуказательные и лично-указательные 3 л. ед. ч. От них образована «дальнеуказательная часть» производных демонстративов — адъективных, адвербиальных, квантитативных местоименных слов, частиц и союзов (Федюева 2006а).

С учетом всех форм *s*-овых местоимений и их производных в коми языке различаются основы *sj-*, *si-*, *se-*, *so-*, в удмуртском — только *so(o-)*.

Более древней для коми языка следует считать основу *se-*, которая широко представлена в наречиях места и времени, адъективах, частицах (*seni* 'там', *seki* 'тогда', *sečgm* 'такой', *setjś* 'оттуда', *setčg* 'туда', *seśa* 'потом; уж' и т.д.). В качестве основного указательного мес-

тоимения она сохранилась в верхнесысольском диалекте: *se minda* 'столько', *se dirji* 'при нем' и т. д. (ВСД 112). Эта основа по своим функциям соответствует удм. *so-*. Кроме того, коми *se-* ~ удм. *so-* могут быть возведены к общему источнику как регулярное фонетическое соответствие.

Сужение гласного в основных формах коми местоимений, видимо, произошло с появлением суффиксальных элементов *-ja* ~ *-je* и/или в падежном словоизменении, как это можно наблюдать в бесермянском наречии, где «в форме винительного падежа ед. числа и творительного падежа в основе *o* появляется гласный *i*. Этот же гласный появляется в севернудмуртских говорах и в коми языке» (Тепляшина 1970 : 199): ном. *so*, акк. *sie*, *sije* и т. д. Ср. также кар. *se* 'этот', при склонении которого выявляются основы *se-*, *si-*, *sii-* (Зайков 1999 : 59).

Функциональный сдвиг «указательное → личное 3-го лица» в удмуртском местоимении *so* не получил такого импульса, как в коми, однако расподобление основного указательного местоимения и наречно-местоименных слов все же имело место за счет регулярного отпадения анлаутного *s-*: удм. *otjn* ~ сев. *sotjn* 'там', *otjś* ~ *sotjś* 'оттуда', *otčj* ~ *sotčj* 'туда', *otčjož* ~ *sotčjož* 'дотуда', *ožj* ~ *sožj* 'так' и т. д. «Примечательно, что в удмуртских парных словах (вроде *otjn-tatjn* 'там-сям' — Г. Ф.) более широко представлена местоименная основа дальнего указания *o-*, ныне сохранившаяся только в косвенных формах, чем живое современное *so* 'тот'; это можно объяснить тем, что последнее используется и в качестве личного местоимения, ср. *so* 'он' и 'тот' (Майтинская 1987 : 148).

Так или иначе, в результате описанных фонетических преобразований общепермское указательное местоимение **sV* получило развитие в виде коми *sije* ~ удм. *so* 'он, тот'.

4. К вопросу о заимствовании местоимений: коми диал. *nida* ~ *nida* ~ *nida* 'они', *śida* 'он, она', *jevę-*, *jvę-* 'он, она'

Принято считать, что местоимения редко заимствуются. Это положение, видимо, правомерно, однако может быть отнесено только к той стадии, когда в языке уже сложилась внутренне организованная (и поэтому достаточно устойчивая) система дейктических элементов. Неслучайно, наиболее непроницаемыми для заимствования являются основные местоимения, имеющие глубокие исторические корни. Периферийные же разряды довольно часто пополняются за счет заимствований (Майтинская 1966; 1969 : 56). Видимо, усвоение чужого элемента объясняется прежде всего необходимостью дифференциации оттенков значений и заполнения семантических лакун в процессе становления всего класса местоимений как развивающейся микросистемы. В этом контексте особый интерес представляют местоимения 3-го лица, которые формируются позже других личных местоимений и часто требуют дополнительной маркировки. Их становление может осуществляться за счет внутренних ресурсов, однако имеются примеры и прямых заимствований (Hajdú 1990).

На наш взгляд, к заимствованиям можно отнести некоторые коми диалектные формы, выпадающие из системных отношений, характер-

ных для исконных местоимений. Прежде всего, это местоимения 3 л. мн. ч., бытующие в лузско-летском, удорском и коми-язьвинском диалектах: лл. *ńida*, уд. (Ваш.) *nida*, кя. *nida* 'они'. Происхождение их до сих пор не имеет удовлетворительного объяснения. Обычно в этих формах вычлениают морфему *ni-* ~ *nj-*, сопоставимую с корнем 3 л. мн. ч. *naję*, *naja*, *nija*, и «загадочный суффикс» *-da*, который сравнивают с эмфатической частицей *-да* в марийском местоимении *ti-да* 'он' (Серебренников 1963 : 200; КЭСК 193 и др.). А.-Р. Хаузенберг под вопросом сопоставляет элемент *-da* как с марийской частицей, так и с прибалтийско-финским суффиксом множественности, отмечая западное влияние на формирование коми *n*-овых местоимений 3 л. мн. ч. (Hausenberg 1995 : 181). В одной статье мы также высказывали мысль о возможной связи этого элемента «с неким выразителем множественного числа» (Федюнева 2004 : 160), однако позже пришли к выводу, что эти формы не членимы, поскольку являются заимствованиями из прибалтийско-финских языков (Федюнева 2005a). В коми диалекты они проникли в форме партитива (ср. вод. *niitä*, вепс. *niita*, *niidä* 'их' и др.) в процессе становления местоимения 3 л. мн. ч. Усвоение партитивной формы вполне объяснимо: при формировании собственноличных значений избирается не нейтральная форма номинатива, а более «определенная/одушевленная» форма прямого объекта. Убедительным примером такого пути развития может служить верхнесольский диалект коми языка, в котором бытует русское местоимение 3 л. ед. ч., заимствованное в форме аккузатива: *jevę*, *evę*, *jjevę* < рус. *его*. Оно имеет все формы косвенных падежей: *jevę-lęn* 'у него, неё', *jevę-lj* 'ему, ей', *jevę-śań* 'от него, неё' и т. д. и выступает в полной форме в послеложных конструкциях: *мэ пö й э в ö л ы с' нинöм оз вöрöд 'я, говорит, у н е е ничего не трогаю'; сiйа намöд туйын олö й э в ö д и н ы н 'живя с н и м, она терпит всяческие унижения'* (ВСД 104, 145). Не вызывает сомнения тот факт, что русское местоимение было усвоено коми диалектом с одной целью — составить оппозицию не достаточно личному местоимению *sija* 'то, тот, он', с которым оно находится в отношениях дополнительной дистрибуции. Можно предположить, что заимствование прибалтийско-финских *n*-овых форм преследовало такую же цель, а именно: заполнить лауну личного местоимения 3-го лица в противовес исконным указательным формам. Косвенным доказательством может служить тот факт, что в коми диалектах эти формы используются только в качестве личных местоимений.

Интересно, что местоимения *nida* ~ *ńida* ~ *nida* 'они' имеют разный грамматический статус, что позволяет говорить о разном по времени заимствовании. Коми-язьвинская и удорская формы представлены только в номинативе, где используются наряду с основными местоимениями кя. *naja*, *nija*, уд. *naja*, *najes* и т.д.; формы косвенных падежей образуются стандартно от корня *na-* ~ *ni-* ~ *nj-*: *na-lęn* 'у них', *na-lj* 'им', *na-śań* 'от них' и т.д. Прилузское местоимение *ńida*, в отличие от них, падежные формы образует от полной основы: *ńida* 'они', *ńida-lęn* 'у них', *ńida-lj* 'им', *ńida-śań* 'от них' и др., т. е. изменяется по типу вс. *jevę*-, *jjevę*- 'он, она'. Будучи основным местоимением 3 л. мн. ч. в диалекте, оно в полной форме выступает также в функции опреде-

ления и в послеложных конструкциях, тогда как в удорских и коми-язьвинских говорах в этой позиции обычно используются краткие основы, ср. лл. *н'и да динö 'к ним'*, *н'и да ордын 'у них'*, *н'и да лöн понныс пурс'ö 'и х собака кусается'*, *н'и да лыс' пывс'ансö ломти 'я затопил и х баню'* (ЛЛД 68); уд. *на керка дорын 'возле их дома'*, *ны э слöн керканыс зэв ыджыд 'и х дом очень большой'* (УД 57); кя. *ни ладорө 'в их сторону'*, *ни вөлөт 'по ним'* (КЯ 62).

Позволим себе сделать предположение, что более ранней является лузско-летская форма, проникшая в коми язык в дорусское время, когда на севере Европейской части России существовал некий массив «родственных языков и диалектов, образующих особую группу финно-пермских языков». В этот период система местоимений не получила существенных изменений по сравнению с уральским и финно-угорскими периодами. «Произошли только следующие изменения: указательные местоимения уральского и финно-угорского периодов, начинающиеся на *n-, на протяжении финно-пермского периода путем супплетивности стали формами мн. числа соответствующих указательных местоимений, начинающихся на *t- и *c'-» (Редеи, Эрдеи 1974 : 433). Возможно, именно в это время в контактной зоне пракоми диалектов с южными прибалтийско-финскими (и марийскими?), начинает формироваться *n*-овое личное местоимение 3 л. мн. ч., а прилузские говоры усваивают в качестве такового форму партитива.

Коми-язьвинская и удорская формы представлены очень ограниченно: первая зафиксирована в речи отдельных носителей (КЯ 61), вторая — только в вашских говорах. Вместе с тем, они существенно различаются между собой. Коми-язьвинское местоимение *nida* 'они' фонетически ближе к лл. *nida*, нежели к уд. *nida*. В отличие от двух последних, коми-язьвинское местоимение имеет форму 3 л. ед. ч. *sida* 'он, она' (ср. вод., вепс. *sita, sida, sidä* 'этого' и др., а также мар. *sede/sade* 'тот'). Возможно, эти формы также являются заимствованиями, сохранившимися в периферийном, территориально обособленном, говоре. Интересно, что они используются только в личном значении, тогда как основные формы — в общеуказательном: *sija* 'то, тот, он, она' — *nija* 'те, они' (КЯ 61).

В вашские говоры форма *nida*, видимо, проникла позже, в тот период, когда в качестве местоимения 3 л. мн. ч. уже использовались суффиксированные формы *najes, nijes, naja*, поэтому она утвердилась только в номинативе. Источником заимствования могли стать северные прибалтийско-финские диалекты, ср. фин. *näitä, niita*, кар. *näidä, noida, nädä* 'этих, тех, их' и др. Не исключено также, что на Удору эта форма была «занесена» мигрантами из более южных коми регионов — Прилузья и Прикамья.

5. Выводы

Формирование местоимения 3-го лица в близкородственных коми и удмуртском языках может свидетельствовать об очень ранних дивергентных явлениях в пермском языковом континууме. Хотя пермские местоимения (коми *sije* ~ удм. *so*) до сих пор не являются личными,

в коми языке процесс расподобления 'тот, та, то / те' → 'он, она / они' продвинулся дальше, нежели в удмуртском. Важную роль при этом сыграла *n*-овая указательная основа, которая в контактной зоне с прибалтийско-финскими языками была использована в качестве личного местоимения 3 л. мн. ч. и соотнесена с *s*-овым местоимением общего указания. Это привело как к структурным, так и системным преобразованиям. *n*-овое местоимение получило дополнительную маркировку множественности за счет присоединения финно-пермского суффикса коллективной множественности **-ja/*-jä*. По аналогии он распространился на *s*-овые (а также *t*-овые) указательные местоимения, вызвав колебания гласного в основах: *na-* ~ *ni-* ~ *ni-*; *si-*, *si-*, *se-*. Лакуна личного местоимения 3-го лица в разных диалектах также заполнялась диалектными заимствованиями (*nida* ~ *ñida* ~ *njda* 'они', *śida* 'он, она', *jeve-*, *jève-* 'он, она') и парадигматическим передвижением аккузатива как более определенной формы в номинатив: скр. сс. вс. *sijɛ* 'он, тот' < 'того, его'. Удмуртские местоимения избежали такой функционально-семантической дифференциации, оставаясь общеуказательными.

Address:

G. V. Fedjunjova

Institute of Language, Literature and History, Syktyvkar

E-mail: fed.lang@ksc.komisc.ru

Phone: +8212 245088

Сокращения

ВВД — В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневычегодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966; **ВД** — Т. И. Жилина, Вымский диалект коми языка, Сыктывкар 1998; **ВСД** — Т. И. Жилина, Верхнесысольский диалект коми языка, Москва 1975; **ИД** — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; **ККУД** — В. К. Кельмаков, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография, Ижевск 1998; **КПРС** — Р. М. Баталова, Коми-пермяцко-русский словарь, Москва; **КРК** — Л. М. Безносикова, Коми-роч кывчукор, Сыктывкар 2000; **КРС** — Д. А. Тимушев, Коми-русский словарь (с прил. грамматического очерка коми языка), Москва 1961; **КЯ** — В. И. Лыткин, Коми-язвинский диалект, Москва 1961; **ЛЛД** — Т. И. Жилина, Лузско-летский диалект коми языка, Москва 1985; **РКС** — Т. И. Жилина, Русско-коми словарь, Сыктывкар 1966; **СД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; **ССД** — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов, Среднесысольский диалект коми языка, Москва 1980; **УД** — В. А. Сорвачева, Л. М. Безносикова, Удорский диалект коми языка, Москва 1990.

Диалекты пермских языков: **вв.** — верхневычегодский диалект коми-зырянского языка, **вс.** — верхнесысольский диалект коми-зырянского языка, **вым.** — вымский диалект коми-зырянского языка, **иж.** — ижемский диалект коми-зырянского языка, **кя.** — коми-язвинский диалект, **лл.** — лузско-летский диалект коми-зырянского языка, **нв.** — нижневычегодский диалект коми-зырянского языка, **печ.** — печорский диалект коми-зырянского языка, **сев.-зап.** — северо-западные диалекты коми-зырянского языка, **скр.** — присыктывкарский диалект коми-зырянского языка, **сс.** — среднесысольский диалект коми-зырянского языка, **уд.** — удорский диалект коми-зырянского языка, **уд. (Ваш.)** — вашский говор удорского диалекта, **уд. (Мез.)** — мезенский говор удорского диалекта; **бес.** — бесермянское наречие удмуртского языка, **сев.** — северное наречие удмуртского языка,

сред. — срединные говоры удмуртского языка, **южн.** — южное наречие удмуртского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Б а т а л о в а Р. М. 1975, Коми-пермяцкая диалектология, Москва.
- З а й к о в П. М. 1999, Грамматика карельского языка, Петрозаводск.
- Л а а н е с т А. 1975, Прибалтийско-финские языки. — Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки, Москва, 5—122.
- Л ы т к и н В. И. 1995, Коми кывлӧн исторической морфология, Пермь—Сыктывкар.
- М а й т и н с к а я К. Е. 1962, Функции местоименного суффикса *-n* в личных и вопросительных местоимениях финно-угорских языков. — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград, 65—80.
- 1966, Заимствованные элементы в местоименной лексике финно-угорских языков. — СФУ II, 235—240.
- 1969, Местоимения в языках разных систем, Москва.
- 1974, Сравнительная морфология финно-угорских языков. — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва, 214—382.
- 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
- 1987, Об одной модели парных местоименных слов в финно-угорских языках. — Сущность, развитие и функции языка, Москва, 146—151.
- 1989, Местоименные и служебные слова. — Финно-волжская языковая общность, Москва, 175—262.
- Р е д е и К., Э р д е й И. 1974, Сравнительная лексика финно-угорских языков. — Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва, 397—438.
- С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1970, Язык бесермян, Москва.
- Ф е д ю н е в а Г. В. 2004, Местоимения 3-го лица в пермских языках: историко-диалектные соответствия. — Вопросы коми диалектологии, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН), 150—161.
- 2005, Местоимения 1-го и 2-го лица в пермских языках: исторические параллели. — Научные доклады Коми НЦ УрО РАН, вып. 475, Сыктывкар.
- 2005а, К вопросу о прибалтийско-финско-пермских контактах: коми местоимения *нида/ныда* 'они'. — Материалы XXXIII Международной филологической конференции, Санкт-Петербург, 46—51.
- 2006, К вопросу о прибалтийско-пермских языковых связях: коми местоимения *миан/тиан* 'наш/ваш'. — Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками, Пермь (Пермистика 11), 192—199.
- 2006а, Демонстративы в пермских языках. — Федеральное агентство по образованию: ГКЦИТ № 7258, Москва.
- Х я м я л а й н е н М. М. 1966, Вепский язык. — Языки народов СССР III. Финно-угорские и самодийские языки, Москва, 81—101.
- A l v r e, P. 1965, Zur Frage nach der Entwicklung **ja, jã* > *i* in den uralischen Sprachen. — СФУ I, 11—20.
- B a r t e n s, R. 2000, Permiläisten kielen rakenne ja kehitys, Helsinki (MSFOu 238).
- H a j d ú, P. 1990, Einiges über Fürwörter. — LU XXVI, 1—12.
- H a u s e n b e r g, A.-R. 1995, Onko komin ja itämerensuomalaisissa kielissä areaalisia yhteispiirteitä. — CIFU VIII. Pars IV, 180—182.
- K ö v e s i, M. A. 1965, A permi nyelvek ősi képzői, Budapest.
- P a j u s a l u, R. 2006, Death of a Demonstrative: Person and Time. The Case of Estonian *too*. — LU XLII, 241—253.

Кому siję/naję ~ удмуртское so/soos ...

G. V. FEDJUNJOVA (Syktyvkar)

KOMI *siję / naję* ~ **UDMURTISCH** *so / soos*
'JENER / JENE (PL.)' → 'ER / SIE (PL.)'

Im Artikel geht es um die Herausbildung von permischen Personalpronomen der 3. Person, die auf der Grundlage der Demonstrativpronomen der Komi-Sprache *siję* 'jener' und des Udmurtischen *so* 'jener' entstanden sind.

In der Komi-Sprache hat sich die semantische Unterscheidung zwischen Personal- und Demonstrativpronomen weiter entwickelt als im Udmurtischen. Den Komi-Formen *naja, naję* 'sie' wurde das ostseefinnisch-permische Kollektivsuffix **-ja/*-jä* angefügt. Später hat sich dieses unter Analogieeinfluss auch in den *s-* und *t-*stämmigen Demonstrativpronomen verbreitet. Dieser Umstand ermöglichte, dass besonders im Plural die Personal- und Demonstrativpronomen konsequenter gegenübergestellt werden konnten: *naja, naję* 'sie' — *sijajas, sijęjas* 'jene'. Die Formen *siję* 'jener, er', *naję* 'sie (Pl.)', *taję* 'dieser', u.a., die sich lediglich in zwei komisyrischen Dialekten finden und die gleichzeitig auch der schriftsprachlichen Norm entsprechen, sind ursprünglich Formen des Akkusativs.

Unter den udmurtischen Personal- und Demonstrativpronomen haben sich derartige funktionale und semantische Unterschiede nicht herausgebildet: diese gebraucht man in der Funktion der allgemeinen Verweisung, ohne dabei einen Unterschied zu machen, ob auf eine Person oder auf einen Gegenstand verwiesen wird: *so* 'jener, er' — *soos* 'jene, sie (Pl.)'.